

На правах рукописи

БЕЛЯВСКАЯ Ольга Сергеевна

**ХРОНОЛОГИЯ РЕМЕННЫХ ГАРНИТУР
ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ III – РУБЕЖА VII И VIII ВВ.**

Исторические науки:
Специальность: 5.6.3. Археология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2023

Работа выполнена в отделе археологических исследований Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы – обособленного структурного подразделения Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

Научный руководитель

Овсянников Владимир Владиславович – кандидат исторических наук, заведующий отделом археологических исследований Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы – обособленного структурного подразделения Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ИИЯЛ УФИЦ РАН).

Официальные оппоненты

Иванов Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-образовательной лаборатории Патриотического воспитания молодёжи и истории казачества Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»).

Крыласова Наталья Борисовна – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (ИГИ ПФИЦ УрО РАН).

Ведущая организация

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)»).

Защита состоится «**21**» **декабря 2023** г. в **12.00** на заседании совета 24.1.031.01 (Д002.007.01) по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук, по адресу: г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, 4-й этаж, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИА РАН по адресу: г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, а также на сайте ИА РАН <https://www.archaeolog.ru/ru/dissertation-council>

Автореферат разослан « _____ » _____ 2023 г.

Ученый секретарь диссертационного совета, кандидат исторических наук

И.А. Дружинина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Южное Приуралье с бронзового века до позднего Средневековья являлось контактной зоной между оседлым населением лесной и лесостепной зон и кочевниками степей. В I тыс. н.э. на данной территории сохраняется преемственность между археологическими культурами финно-пермского мира. На стыке раннего железного века и раннего Средневековья под влиянием ряда как внутренних, так и внешних факторов пьяноборская культура трансформируется в мазунинскую, а затем – в бахмутинскую культуру. Носители же кара-абызской культуры, на определенном отрезке сосуществуя с «мазунинцами», были включены в другой этнокультурный процесс.

В сер. – 2-ой пол. I тыс. н.э. в Приуралье и Прикамье фиксируются несколько волн миграций, повлиявших на изменение культурной доминанты на данных территориях. Сложившаяся ситуация в материальной сфере отразилась обилием импортных изделий, в т.ч. некоторым количеством нумизматического материала. Это формирует актуальность выделения относительно узких хронологических периодов на основе анализа такого серийного материала как ременные гарнитуры в корреляции с хроноиндикаторами (предметами импорта, в т.ч. монетами и др.). Как ременные наборы, так и отдельные элементы ременных гарнитур являются важным археологическим источником, на основе анализа которого можно проследить изменение общеевразийской «моды» и локальных стилей, а также, при поиске аналогий в различных датированных комплексах и применении специальных методов анализа, – разрабатывать относительную и абсолютную хронологию памятников, в которых они обнаружены.

Степень изученности темы. Ременные гарнитуры Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв. рассмотрены ранее специалистами как в рамках изучения инвентаря того или иного памятника археологии или археологической культуры, так и в качестве объекта отдельного исследования.

В первую очередь, необходимо отметить ряд работ, посвященных публикации материалов археологических памятников, которые составили источниковую базу настоящего исследования (работы Н.И. Булычева, А.В. Шмидта, Р.Б. Ахмерова, Н.А. Мажитова и его соавторов, А.Х. Пшеничнюка, Г.И. Матвеевой, С.М. Васюткина и его соавторов, В.Д. Викторовой, В.Ф. Генинга, В.С. Горбунова, В.А. Иванова, Ф.А. Сунгатова и его соавторов, Ю.А. Морозова, В.В. Овсянникова и его соавторов, Ф.М. Тагирова, М.Р. Шамсутдинова и его соавторов,

Е.В. Русланова и его соавторов, И.И. Бахшиева и его соавторов, и др.). Главной задачей в подобных исследованиях являлось введение в научный оборот новых материалов, ременные же гарнитуры зачастую рассматривались авторами работ без какой-либо определенной системы.

Более подробное изучение ременных принадлежностей с позиций морфолого-типологического, сравнительно-исторического, статистико-комбинаторного и хронологического методов представлено в работах, связанных с исследованием материальной сферы носителей различных археологических культур. Для Южного Приуралья необходимо отметить исследования по бахмутинской (Н.А. Мажитов), мазунинской (Т.И. Останина), турбаслинской (Ф.А. Сунгатов), позднесарматской (В.Ю. Малашев) и кара-абызской (В.В. Овсянников и его соавторы) культурам.

В отдельную группу следует выделить работы, в которых ременные гарнитуры Южного Приуралья являются главным либо одним из основных объектов исследования. К таковым относятся работы В.Б. Ковалевской (1972, 1979, 2000), А.К. Амброза (1971, 1973, 1985, 1989), Н.А. Мажитова (1977, 1981, 1987, 1990, 1993), В.Ф. Генинга (1979), В.А. Иванова (1981, 1999), А.В. Богачева (1992), И.О. Гавритухина (1996, 2000, 2001а, 2001б, 2022а, 2022б, 2023а, 2023б (в печати) и др.)

С момента написания последних обобщающих работ (исследования В.Б. Ковалевской, А.В. Богачева, Т.И. Останиной, И.О. Гавритухина) в которых, к тому же, южноуральские материалы были использованы не в полной мере, прошло уже несколько десятилетий. В настоящее время источниковая база по ременным гарнитурам Южного Приуралья благодаря новейшим исследованиям ряда археологических памятников значительно увеличилась. Накопленный массив материалов требует комплексного изучения на современном научно-методологическом уровне.

Объектом исследования материальная культура населения Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв.

Предметом исследования выступают типолого-морфологическая и эволюционно-хронологическая характеристики элементов ременных гарнитур.

Целью исследования является построение хронологической шкалы ременных гарнитур Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв.

Для достижения поставленной **цели** необходимо решение следующих **задач**:

- 1) Анализ степени изученности темы и выбор методики исследования;

2) Создание типологии деталей ременных гарнитур с учетом разработок исследователей (Н.А. Мажитова, А.К. Амброза, В.Ф. Генинга, В.Б. Ковалевской, Р.Д. Голдиной, Т.И. Останиной, И.О. Гавритухина, А.В. Богачева, В.Ю. Малашева и др.);

3) Выделение хронологических групп комплексов на основе проведения сериации погребений с ременными гарнитурами;

4) Поиск надежно датированных аналогий предметам ременных гарнитур на других территориях;

5) Объединение всех хронологических групп на одном «поле» для построения хронологической шкалы ременных гарнитур Южного Приуралья;

6) Соотнесение полученных результатов с историко-культурным контекстом.

Хронологические рамки исследования обусловлены этнокультурными процессами, происходившими в Южном Приуралье с III в. до рубежа VII и VIII вв. Нижняя хронологическая граница – III в. – связана с изменением историко-культурной ситуации, в результате чего появляются археологические культуры, в материальной сфере которых отражается влияние позднесарматского мира. В конце IV в. позднесарматский период сменяет эпоха Великого переселения народов, которая делится на гуннский, «пост-гуннский» (шиповский) периоды и период «геральдических» гарнитур. Верхняя хронологическая граница исследования обусловлена тем, что на рубеже VII и VIII вв. происходит смена стилей ременных гарнитур (смена ременных принадлежностей «геральдического» круга на пояса катандинского типа), что связано с кардинальными геополитическими и этнокультурными изменениями на территории Евразии, изучение которых требует отдельного самостоятельного исследования.

Территориальные рамки исследования ограничены географией распространения могильников, поселений и местонахождений вещей III – рубежа VII и VIII вв. в Южном Приуралье – бассейнами рр. Белая и Уфа, включающих среднее и нижнее течение р. Белой, нижнее и среднее течение р. Уфы с притоками. В ландшафтном плане рассматриваемая территория расположена в границах лесной, лесостепной и степной зон. Административно эта территория относится к центральным, северо-западным и северо-восточным районам Республики Башкортостан.

Источниковая база исследования. В работе использованы опубликованные и неопубликованные источники, содержащие материалы из 34 могильников и отдельных погребений (всего – 1793 захоронения). Наличие ременных гарнитур зафиксировано в 777 комплексах (43,3 % – от общего количества известных захоронений). Выделить типы ременных

принадлежностей (хотя бы в одной категории находок) удалось в 522 погребениях (29,1 % – от общего количества известных захоронений), которые и составили источниковую базу настоящего исследования.

Кроме того, учтены предметы ременных гарнитур, происходящие с территории 7 поселений, а также из депаспортизированных погребений Бахмутинского (раскопки 1915 г., 1921 г., 1928 г.), Мало-Качакского, Старо-Муштинского, Бирского, Ново-Турбаслинского могильников и материалов Никольских находок.

Типологически определены 539 экз. пряжек, 324 экз. ременных наконечников, 2381 экз. ременных накладок, 21 экз. ременных блях, 9 экз. ременных крепежей, 2 экз. ременных петельных крючков – всего 3276 предметов.

Методологической основой исследования являются принцип историзма и принцип объективности. Принцип историзма подразумевает рассмотрение объекта исследования в процессе его становления во времени, в закономерном историческом развитии. Принцип объективности основан на критическом анализе источников, всестороннем изучении фактов, исторических процессов и явлений.

Методы исследования являются традиционными для археологической науки. Для систематизации ременных принадлежностей использован типологический метод. Метод сравнения и подбора аналогий использован для анализа элементов ременных гарнитур через их сопоставление с типологически близкими находками в контексте хронологической и культурной изменчивости. В работе применен метод сериации находок по комплексам, позволяющий разместить вещи определенной категории в последовательности, отражающей предполагаемое направление их изменения.

Научная новизна. В рамках диссертационного исследования создана общая типология элементов ременных гарнитур Южного Приуралья, основанная на материалах представительной источниковой базы, с учетом для рассматриваемых изделий особенностей конструктивно-морфологического и функционального характера. Необходимость создания новой типологии обусловлена тем, что столь обширный и зачастую не введенный в научный оборот материал не был отражен полностью ни в одной из созданных ранее классификаций. Впервые за последние несколько десятилетий многочисленные ременные принадлежности из археологических памятников Южного Приуралья рассмотрены единым массивом и в качестве хронологических маркеров. Полученный результат позволяет уточнить

картину исторических процессов в регионе в рассматриваемую, во многом судьбоносную, эпоху.

Теоретическая значимость работы заключена в создании хронологической шкалы ременных гарнитур населения Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв. на основе обобщения всего комплекса накопленных к моменту написания работы археологических источников и с учетом актуальных историографических подходов к разработке хронологии древностей эпохи Великого переселения народов.

Практическая значимость работы. Результаты исследования могут быть использованы при написании обобщающих работ и подготовки курсов лекций по археологии и древней истории Урало-Поволжья, а также при подготовке выставок и экспозиций в музеях исторического профиля, при определении хронологического контекста вещей, обнаруженных археологами и краеведами.

Личный вклад соискателя в получение результатов диссертации. Соискателем обработаны коллекции из фондов Национального музея Республики Башкортостан, Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, археологического музея им. Н.А. Мажитова Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уфимский университет науки и технологий», археологической лаборатории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», Государственного бюджетного учреждения «Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа»» (г. Уфа), Стерлитамакского историко-краеведческого музея (г. Стерлитамак), Государственного исторического музея (г. Москва). На основе чего разработана типология и хронология ременных гарнитур Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв.

Апробация результатов работы. По теме диссертационного исследования автором опубликовано 12 печатных работ общим объемом 43,3 п.л. (авторский вклад 9,88 п.л.). Из них 4 статьи – в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. Отдельные положения и выводы диссертационного исследования изложены в сообщениях и докладах на научных конференциях

регионального (Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Уфа, 2016 г.)), всероссийского (Всероссийская научно-практическая конференции молодых ученых «Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность» (Уфа, 2016 г., 2017 г.); Урало-Поволжская конференция студентов и молодых ученых (Йошкар-Ола, 2016 г.); XXI Уральское археологическое совещание (Самара, 2018 г.) и международного (Международный научный симпозиум «Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур» (Уфа, 2018 г., 2022 г.); V конференция молодых ученых «Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных» (Москва, 2019 г.); III Российско-сербская археологическая конференция «От Дуная до Волги: интеракции и трансформации культуры в I тысячелетии н.э.» (Белград, Нови-Сад, 2019 г.) уровней.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, 4 глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений в виде дополнительных материалов, таблиц и иллюстраций.

Положения, выносимые на защиту:

1. Ременные гарнитуры Южного Приуралья в рассматриваемый период представляют собой важный археологический источник, который выступает в качестве датирующего материала.

2. В результате анализа взаимовстречаемости находок по 51 признаку (**ХИ**) стало возможным выделить 9 групп, некоторые из которых делятся на подгруппы. Объединение сериационных групп на одном «поле» с не вошедшими в сериацию типами ремennых гарнитур позволило создать периодизацию ремennых украшений Южного Приуралья эпохи перехода от раннего железного века к раннему Средневековью. Выделено шесть этапов: **первый этап** датирован III – 3-ей четв. IV в.; **второй этап** – 2-ой четв. – 2-ой пол. IV в.; **третий этап** – V–VI вв.; **четвертый этап**, судя по всему, являющийся переходным, ограничен 2-ой пол. / 3-ей третью VI – нач. VII в.; **пятый этап** приходится на конец VI – 3-ю четв. VII в.; **шестой этап** датирован сер. / 2-ой пол. VII – рубежом VII и VIII вв. (отдельные погребения Бирского могильника могли быть совершены, предположительно, в сер. VIII в.).

3. Анализ ремennых гарнитур позволил предположить, что немногочисленные группы носителей турбаслинской культуры могли появиться в Южном Приуралье уже во 2-ой пол. IV в. Судя по всему, наиболее богатые турбаслинские комплексы следует датировать не позднее

1-ой пол. / 3-ей четв. VII в., с сер. VII в. турбаслинская культура как культура «в чистом виде» начинает угасать.

4. Распространение «геральдических» ременных гарнитур в Южном Приуралье начинается со 2-ой пол. VI в. Наиболее поздние комплексы с «геральдикой», в большинстве своем, датированы рубежом VII и VIII вв., при этом допускается возможность существования отдельных погребений Бирского могильника до сер. VIII в.

5. Появление носителей кушнаренковской культуры по совместным находкам керамики соответствующего типа с ременными гарнитурами в сериационных *группах IV* и *VI* можно относить к периоду раньше конца VI в., предположительно – к его второй половине.

6. К концу VII в. в большинстве некрополей Южного Приуралья прекращают совершаться погребения с основными «классическими» признаками турбаслинской, романовско-именьковской и бахмутинской культур. Однако черты турбаслинской и бахмутинской культур продолжают фиксироваться еще в захоронениях Бирского могильника, наиболее поздние из которых, предположительно, могли существовать вплоть до сер. VIII в. Кушнаренковская культура постепенно сменяется близкородственной ей караякуповской культурой.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснованы актуальность темы диссертационного исследования и степень ее изученности, обозначены объект, предмет, цель и задачи, определены хронологические и территориальные рамки, методическая и методологическая основы, указаны научная новизна, теоретическая и практическая значимость, сформулированы положения, выносимые на защиту, установлена степень достоверности полученных результатов, отмечен личный вклад автора.

В первой главе **«Историографический обзор и теоретико-методические основания исследования»** представлен историографический очерк этнокультурной ситуации в Приуралье в I тыс. н.э., рассмотрены основные направления при изучении ременных гарнитур Волго-Уралья III – рубежа VII и VIII вв., а также методы, применяемые при разработке относительной хронологии.

В §1.1 рассмотрены основные концепции, посвященные изучению генезиса и хронологии археологических культур Южного Приуралья I тыс. н.э.

Южное Приуралье в начале I тыс. н.э. было областью обитания этнокультурных групп различного происхождения. Лесостепную часть

рассматриваемого региона занимали оседлые носители кара-абызской и пьяноборской культур. По мнению исследователей (А.Х. Пшеничнюк, В.В. Овсянников, В.А. Иванов, Н.А. Мажитов и др.), пьяноборская и кара-абызская культуры сформировались еще до нашей эры в результате взаимодействия финно-пермского населения с сарматами и носителями культуры гафурийско-убаларского облика. В I–IV вв. на обширных пространствах – от Северного Причерноморья до южноуральских степей – кочевали носители позднесарматской культуры. Изучению позднесарматской культуры и динамике взаимодействия ее населения с этнокультурными группами Прикамья и Приуралья посвящены работы А.Х. Пшеничнюка, М.Г. Мошковой, Г.И. Матвеевой, Л.Т. Яблонского, С.А. Трибунского, В.Ю. Малашева, В.В. Овсянникова, Е.О. Шиманского и др.

В III в. в силу эволюционного развития местного финно-пермского населения (Т.И. Останина) либо под влиянием инокультурных компонентов (А.Н. Султанова) в Западном Приуралье и Прикамье начинает складываться новая археологическая культура. К данной культуре одни исследователи применяют название «мазунинская» (В.Ф. Генинг, Т.И. Останина и др.), а другие (А.В. Шмидт, Н.А. Мажитов, А.Н. Султанова, Ф.А. Сунгатов и др.) – «бахмутинская». Особняком стоит концепция Р.Д. Голдиной о плавном развитии в Прикамье местной культуры с III в. до н.э. до V в. н.э., прослеженном на примере существования крупных могильников (Тарасовский, Бирский). Вопрос об исторической судьбе «мазунинцев» и «бахмутинцев» остается дискуссионным, особый интерес представляют точки зрения современных исследователей о верхних хронологических границах рассматриваемых культур (Т.К. Ютина, Р.Д. Голдина, Т.И. Останина, А.А. Красноперов, И.О. Гавритухин и др.).

По мнению ряда археологов (В.Ф. Генинг, Р.Д. Голдина, Ф.А. Сунгатов, В.А. Иванов, Д.В. Шмуратко и др.), этнокультурная ситуация в Приуралье и Прикамье начинает меняться с началом движения гуннов, воинственность которых, как считают эти исследователи, заставила многие этнокультурные группы покинуть места своего обитания и отступить в северные лесостепные и лесные районы. По мере продвижения новых групп населения фиксируется появление нетипичного для данных территорий подкурганного способа захоронения. Результаты анализа материалов из памятников типа Старая Мушта, Тураево и Харино отражены в работах В.Ф. Генинга, Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц, Ф.А. Сунгатова и его соавторов, Д.В. Шмуратко, М.Л. Перескокова, И.О. Гавритухина и А.А. Красноперова.

В III в. (В.Ф. Генинг) / III–IV вв. (П.Н. Старостин) / IV в. (Г.И. Матвеева, В.В. Седов, А.В. Богачев, Д.А. Сташенков) / во 2-ой пол. VI в. (Е.П. Казаков)

в Среднем Поволжье появляются носители именьковской культуры, происхождение, развитие и историческая судьба которой до сих пор является предметом оживленных дискуссий. Изучению именьковской культуры посвящены работы Н.Ф. Калинина, П.Н. Старостина, Ю.А. Краснова, А.П. Смирнова, С.М. Васюткина, Г.И. Матвеевой, В.В. Седова, Е.П. Казакова, А.В. Богачева, Л.А. Вязова, Д.А. Стащенко и др.

Около сер. I тыс. в Южном Приуралье начинается новый этнокультурный этап, связанный с появлением «турбаслинцев». Анализ материалов из турбаслинских памятников представлен в исследованиях П.Ф. Ищерикова, Р.Б. Ахмерова, Н.А. Мажитова, А.Х. Пшеничнюка, В.Ф. Генинга, Г.И. Матвеевой, С.М. Васюткина, Е.П. Казакова, Ф.А. Сунгатова, В.А. Иванова, А.А. Красноперова, О.С. Белявской, И.О. Гавритухина и др.

Во 2-ой пол. I тыс. в Южное Приуралье в несколько этапов проникают новые группы населения. Первая волна «переселенцев» связана с носителями кушнаренковской культурой, вторая, родственная им, оставила памятники караякуповского типа. Генезису, хронологии и соотношению данных культур посвящены работы Г.И. Матвеевой, С.М. Васюткина, Р.Г. Кузеева, А.Х. Халикова, Е.А. Халиковой, В.А. Могильникова, Н.А. Мажитова, Е.П. Казакова, В.А. Иванова, Г.Н. Гарустовича, В.В. Овсянникова, А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой, С.Г. Боталова, Н.П. Матвеевой и др.

Большинством исследователей отмечено наличие культурного взаимодействия между носителями бахмутинской, турбаслинской, романовско-именьковской, кушнаренковской и караякуповской культур, выраженное в появлении общих могильников и поселений (Дежневский, Бирский, Шареевский могильники, погребения на территории г. Уфы, городище Уфа-II и др.). Точка зрения, что ареал памятников кушнаренковско-караякуповского круга может быть связан с существованием Великой Венгрии (Magna Hungaria), широко распространена (Е.А. Халикова, А.Х. Халиков, В.А. Иванов и др.). Другая часть исследователей (М.С. Акимова, С.М. Васюткин, Р.М. Юсупов, Н.А. Мажитов и др.) считает, что население, проживавшее в Южном Приуралье во 2-ой пол. I тыс. н.э., могло принять участие в формировании этноса и культуры отдельных групп башкирского народа.

В §1.2 рассмотрена история изучения ременных гарнитур, происходящих из памятников Волго-Уралья III – рубежа VII и VIII вв.

Наиболее разработанными в настоящее время являются направления, связанные с созданием различного рода типологий (В.Ф. Генинг, Т.И. Останина, А.А. Красноперов, В.А. Бернц и др.) и реконструкций

(В.Ф. Генинг, Н.А. Мажитов, Р.Д. Голдина, И.О. Гавритухин, А.Г. Иванов, Д.Г. Бугров, А.А. Красноперов, О.С. Крапачева (Белявская) и др.) ременных наборов, изучением культурных связей по материалам ременных гарнитур (В.Б. Ковалевская, И.О. Гавритухин, А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, Р.Д. Голдина, Е.В. Голдина, И.Р. Ахмедов и др.) и уточнением хронологии.

В данном разделе приведен обзор особо значимых дискуссий по вопросам хронологии древностей Восточной Европы (в т.ч. и материалов из памятников Южного Приуралья), основанных на анализе погребального инвентаря, и, в первую очередь, ременных гарнитур (работы А.К. Амброза, И.П. Засецкой, В.Ф. Генинга, Н.А. Мажитова, В.А. Иванова, И.О. Гавритухина, А.В. Богачева, Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц, Т.И. Останиной, А.Н. Султановой, А.А. Красноперова и др.).

В §1.3 рассмотрены основные методы, привлекаемые археологами для уточнения хронологических позиций находок в рамках конкретного исследования: типологический метод, метод сериации, формализовано-статистический метод, метод «узкой датировки». В качестве дополнительных инструментов при изучении хронологии применяют планиграфический и стратиграфический методы.

Во второй главе «**Типология деталей ременных гарнитур**» представлена общая классификация элементов ременных гарнитур Южного Приуралья с учетом для рассматриваемых изделий особенностей конструктивно-морфологического и функционального характера.

Типологически определены 539 экз. пряжек, 324 экз. ременных наконечников, 2381 экз. ременных накладок, 21 экз. ременных блях, 9 экз. ременных крепежей, 2 экз. ременных петельных крючков – всего 3276 предметов.

В §2.1 при выделении отделов у пряжек учтено наличие неподвижного / подвижного язычка на рамке; при выделении подотделов учитывалось количество составных элементов и способ крепления к ремню; при выделении групп учитывалась техника изготовления рамки. При выделении типов, вариантов и подвариантов пряжек особое внимание уделялось следующим признакам: внешний контур рамки; наличие или отсутствие утолщения в ее передней части; сечение рамки; длина язычка; степень охвата им рамки в ее передней части; наличие или отсутствие уступа / площадки у основания язычка; степень выраженности уступа; наличие или отсутствие прогиба язычка; форма контура щитка / обоймы и способ крепления к ремню; общие признаки (орнаментальные особенности, техника нанесения орнамента, материал изготовления).

В §2.2 ременные наконечники разделены на отделы – по способу крепления к ремню, на подотделы – по способу соединения составных частей наконечников между собой, на типы – по общей форме (внешнему контуру) изделий; на подтипы, варианты и подварианты – по морфологическим и декоративным особенностям изделий.

В §2.3 ременные накладки поделены на отделы – по общей форме (внешнему контуру) изделий, на типы, подтипы, варианты и подварианты – по морфологическим и декоративным особенностям.

В §2.4 ременные бляхи распределены на отделы – по материалу изготовления, на подотделы – по способу крепления к ремню, на типы – по общей форме (внешнему контуру) изделий; на варианты – по морфологическим и декоративным особенностям изделий.

В §2.5 ременные крепежи разделены на отделы – по технике изготовления и способу крепления к ремню, на типы – по общей форме (внешнему контуру) изделий, на варианты – по морфологическим и декоративным особенностям изделий.

В §2.6 в основе деления ременных петельных крючков на отделы лежит информация о технике изготовления, тип выделен по конструктивно-морфологическим особенностям изделий.

Выделено 49 типов пряжек, 28 типов ременных наконечников, 72 типа ременных накладок, 6 типов ременных блях, 2 типа ременных крепежей, 1 тип ременных петельных крючков – со своими подтипами, вариантами и подвариантами.

В третьей главе **«Хронологическая атрибуция ременных гарнитур Южного Приуралья»** представлены сериация погребальных комплексов с ременными гарнитурами; датировка других категорий находок из сериационных групп, опорных для хронологии; датировка элементов ременных гарнитур, не вошедших в сериацию; периодизация ременных гарнитур и ее синхронизация с основными хронологическими схемами Восточной Европы.

В §3.1 для создания сериации погребальных комплексов проведен предварительный отбор материала, который привел к сокращению числа привлекаемых погребений с предметами ременных гарнитур за счёт удаления из выборки комплексов, содержащих менее 2-х категорий вещей-хроноиндикаторов. Кроме того, в сериацию не были включены датирующие находки, встречающиеся лишь единожды. Подобные вещи были учтены при уточнении хронологических рамок выделенных кластеров.

В результате анализа взаимовстречаемости в комплексах находок по 51 признаку (**ХИ**) стало возможным выделить 9 групп, которые делятся на подгруппы.

В §3.2 уточнены датировки других категорий находок из сериационных групп, опорных для хронологии, – деталей ременных гарнитур, а также фибул, подвесок, серег, бус и предметов вооружения.

В §3.3 представлены датировки и аналогии для деталей ременных гарнитур, не вошедших в сериацию.

В §3.4 объединение сериационных групп на одном «поле» с не вошедшими в сериацию предметами ременных гарнитур позволило создать периодизацию ременных украшений Южного Приуралья эпохи перехода от раннего железного века к раннему Средневековью. Выделено шесть этапов: *первый этап* датирован III – 3-ей четв. IV в.; *второй этап* – 2-ой четв. – 2-ой пол. IV в.; *третий этап* – V–VI вв.; *четвертый этап*, судя по всему, являющийся переходным, ограничен 2-ой пол. / 3-ей третью VI – нач. VII в.; *пятый этап* приходится на конец VI – 3-ю четв. VII в.; *шестой этап* датирован сер. / 2-ой пол. VII – рубежом VII и VIII вв. (отдельные комплексы Бирского могильника могли быть совершены, предположительно, в сер. VIII в.).

На *первом этапе* (III – 3-я четв. IV в.) в Южном Приуралье на смену цельнолитым пряжкам с неподвижными крючками, поясным накладкам с креплением при помощи ушек-петель на обороте приходят ременные гарнитур, представленные многочастными пряжками с подвижными язычками, пластинчатыми наконечниками и накладками, крепление к ремню которых осуществлялось через сквозные отверстия, зачастую при помощи шпеньков. Вместе с тем необходимо отметить, что процесс смены одного стиля ременных гарнитур другим был постепенным, и в ряде погребений совместно с новыми вещами еще продолжали встречаться ременные принадлежности архаичного облика.

В III в. язычки у пряжек зафиксированы как короткие и прогнутые в средней части, так и прямые, не выходящие за внешний край рамки. Единичным экземпляром на территории Южного Приуралья встречена пряжка с полой рамкой усечено-конической формы. Со 2-ой пол. III в. и в дальнейшем в основании язычков появляются низкие уступы или выступы-«площадки». Обоймы пряжек, обхватывающие рамку в задней ее части, изготавливались из согнутой пополам пластины, в основном, округлой или прямоугольной форм. В 1-ой пол. – сер. / 3-ей четв. IV в. были распространены пряжки с подпрямоугольными обоймами с прогнутыми боками.

Наконечники ремней наиболее представлены экземплярами из согнутой пополам пластины: одночастными с цилиндрическим расширением на конце; двухсоставными, с фигурной подвеской на месте сгиба обоймы; подпрямоугольной формы с прогнутыми боками. Менее были распространены однопластинчатые наконечники, крепившиеся к ремню при помощи шпеньков / заклепок. Единичными находками являются наконечник с валикообразным расширением на месте сгиба и наконечник с секировидным окончанием.

Накладки встречаются прямоугольной и сложных фигурных форм. Наиболее распространенными были накладки, изготовленные из согнутой пополам пластины, на месте сгиба которой, в большинстве случаев, крепилось кольцо-подвеска.

В погребениях данного этапа зафиксированы металлические ременные бляхи различных форм, а также бляхи, изготовленные из раковин моллюсков вида *Turbo marmaratus* (по Т.И. Останиной) либо вида *Turbinella pyrum* (по Р.Д. Голдиной). Немногочисленными экземплярами представлены ременные крепежи из согнутой пополам пластины, с кольцом-подвеской на месте сгиба.

На **втором этапе** (2-я четв. – 2-я пол. IV в.) пряжки приобретают новые черты: все больше распространяется такой признак как утолщение в передней части рамки; язычки пряжек становятся длиннее, они выходят за внешний край рамки или уже доходят до середины высоты рамки, а в основании язычков пряжек повсеместно фиксируются уступы или выступы-«площадки». Между тем, в погребениях с подобными пряжками продолжают «сосуществовать» и пряжки с короткими язычками. Обоймы пряжек продолжают изготавливаться в пластинчатой технике, но основные их формы уже – треугольная и сегментовидная; реже встречаются обоймы трапециевидной, прямоугольной или овальной форм.

Наконечники ремней более всего представлены изделиями из согнутой пополам пластины с цилиндрическим расширением на конце; реже встречаются экземпляры с валикообразным расширением либо без расширения на месте сгиба пластины. Получают распространение наконечники с секировидным окончанием, а также двухпластинчатые наконечники простой формы.

Накладки зафиксированы, в основном, ромбические, круглые и прямоугольные, менее представлены накладки иных форм. Продолжают встречаться ременные крепежи из согнутой пополам пластины.

На **третьем этапе** (V–VI вв.) в Южном Приуралье распространяются ременные гарнитурные нового облика.

Язычки пряжек на данном этапе нависают над рамкой в виде «хоботка», в ряде случаев имеющего поперечные насечки-желобки у основания или на конце. Уступ у основания язычка становится выше, а рамки пряжек имеют выраженное утолщение в передней своей части. Внешний контур рамок зафиксирован, в основном, круглый, овальный и сегментовидный, а в сечении большая часть рамок – круглые, но встречаются и многогранные. Обоймы пряжек зафиксированы, в основном, прямоугольной, треугольной и трапециевидной форм; реже встречаются сегментовидные.

Характерным признаком этого периода является трансформация распространенных в Приуралье наконечников из согнутой пополам пластины с цилиндрическим расширением на месте сгиба в экземпляры, богато украшенные разнообразным декором из насечек, круглых прорезей и шпеньков с крупными шляпками-«полугорошинами». Также встречаются двухпластинчатые наконечники ремней, крепившиеся к ремню при помощи шпеньков. Единичными экземплярами представлены наконечники, состоящие из двух пластин, спаянных между собой на одном из концов.

Наиболее многочисленными являются накладки ромбической формы; в меньшей степени представлены круглые, овальные и лунницевидные накладки, характерными чертами которых является декор в виде насечек по краю и наличие шпеньков с крупными шляпками-«полугорошинами».

В VI в., наряду с вышеописанными ременными принадлежностями, получают распространение пряжки с обоймами трапециевидной «вычурной» формы, зачастую обильно украшенными насечками и выемками по краям или шляпками-«полугорошинами», и пряжки с овальной или В-образной рамкой, превышающей размер обоймы в 1,5-2 раза.

Не ранее чем с сер. V в. приуральское население начинает использовать ременные гарнитуры шиповского круга. Пряжки представлены экземплярами с широкими В-образными или овальными полыми рамками, массивными язычками с уступами или выступами-«площадками» у основания и насечками на концах; на щитках пряжек фиксируются полихромные вставки из камней или стекла. Подобные ременные принадлежности, равно как накладки и наконечники, обкладывались тисненой, зачастую серебряной позолоченной фольгой с декором из «псевдозерни», а крепление к ремню происходило при помощи шпеньков либо «петли с усами». Распространенными являлись также литые пряжки с прогнутыми боками и задней стороной, а также пряжки с треугольным щитком, имеющим округлые выступы по краям.

На *четвертом (переходном) этапе* (2-я пол. / 3-я треть VI – нач. VII в.) отдельные образцы ременных гарнитур *третьего этапа* зафиксированы

совместно с «геральдическими» ременными гарнитурами, что является еще одним из свидетельств постепенной смены одних стилей другим. Примечательно, что «геральдические» пряжки и накладки на данном этапе представлены как литыми изделиями, так многосоставными экземплярами, у которых рамка, язычок и щиток изготовлены отдельно.

К этому же периоду следует относить ременную гарнитуру коминтерновского типа, не попавшую из-за своей малочисленности в сериационную выборку, но в некоторых случаях зафиксированную совместно с «геральдическими» ременными гарнитурами. К изделиям коминтерновского типа относятся овальные и почковидные накладки; накладка в виде свастики; накладки, состоящие из комбинации ромба или прямоугольника и 2 противоположащих полуovalов.

На *пятом этапе* (конец VI – 3-ю четв. VII в.) массово распространяются «геральдические» ременные гарнитуры, окончательно вытесняя собой ременные принадлежности *третьего этапа* и *четвертого этапа*.

Пряжки на данном этапе отличаются массивностью, достигавшейся как за счет выпукло-вогнутых щитков и длинных язычков с высокими уступами, так и за счет полых многогранных В-образных, овальных или прямоугольных рамок. Щитки у пряжек, в основном, полуovalной формы или в виде «геральдического» щита, реже встречаются квадратные и прямоугольные обоймы.

Наконечники ремней зафиксированы как однопластинчатые, крепившиеся к ремню при помощи штифтов на обороте, так и сложносоставные, в виде «коробочки». Единичными находками являются наконечники из согнутой пополам пластины или состоящие из двух пластин.

Ременные накладки зафиксированы различных форм: квадратные, прямоугольные, ромбические, трапециевидные, сердцевидные, трех- и четырехлепестковые, S-образные и Ж-образные, в виде «геральдического» щита. Встречаются накладки сложных фигурных форм или имеющие сочетания из «геральдического» щита с иными фигурами. Широко были распространены одночастные и многочастные накладки с раздвоенными верхом / краями. Кроме того, на данном этапе зафиксированы цельнолитые ременные крепежи.

В данный период «геральдические» ременные гарнитуры характеризуются наличием прорезной орнаментации из парных кругов, фигур в виде «замочной скважины» и др.; иногда прорезь повторяет внешний контур изделия. По технике изготовления встречаются как литые, так и

штампованные экземпляры; крепление к ремню осуществлялось, в основном, при помощи штифтов с внутренней стороны изделий.

На *шестом этапе* (сер. / 2-я пол. VII – рубеж VII и VIII вв. (отдельные комплексы Бирского могильника могли быть совершены, предположительно, в сер. VIII в.)) ременные гарнитуры также представлены изделиями «геральдического» круга, но с морфологическими и стилистическими признаками уже иного порядка.

По сравнению с предыдущим этапом наибольшего распространения получают «геральдические» бесщитковые и цельнолитые щитковые пряжки с полыми овальными, В-образными или лировидными рамками, имеющими выделенное «ложе» для язычка. Щитки пряжек чаще всего представлены короткими и удлиненными вариантами «геральдического» щита; вместе с тем встречаются единичные экземпляры пряжек с прямоугольными и раздвоенными фигурными щитками. Язычки пряжек, в большинстве своем, длинные, с высокими выступами-«фиксаторами»; при этом, в отличие от «геральдики» *пятого этапа*, довольно часто встречаются железные (прямые?) язычки или свидетельства их прежнего наличия в виде остатков железа на рамке.

Наконечники, в подавляющем большинстве, литые однопластинчатые – подпрямоугольной формы с округлым или заостренным окончанием; «геральдической» формы с боковым выступами. Вместе с тем, встречаются единичные экземпляры более сложных форм и конструкций.

Накладки зафиксированы круглых, Х-образных, пятиугольных, Т-образных форм, в виде «геральдического» щита, псевдопряжек, накладок с «рогатым» верхом и др. Также были распространены сложные сочетания «геральдического» щита с другими фигурами. Характерными чертами накладок данного периода являются высокая степень загиба «рогов» и тенденция к их слиянию с другими частями изделий.

Для более ранних ременных принадлежностей *шестого этапа* еще характерно наличие мелкой «прорезной» орнаментации, в дальнейшем же распространение подобных изделий снижается. Между тем, на данном этапе зафиксированы ременные гарнитуры описанных выше форм, но некоторые из них имели крупные прорезы со вставками из позолоченной серебряной фольги, повторяющими основной контур изделия.

Для сопоставления полученных результатов привлечены работы с хронологическими схемами, основанными на анализе обширных материалов из археологических памятников Южного Приуралья, Поволжья и Прикамья. К таковым относятся исследования Н.А. Мажитова, В.Б. Ковалевской, В.Ф. Генинга, Р.Д. Голдиной и Н.В. Водолаго, А.В. Богачева,

И.О. Гавритухина, Т.И. Останиной, Ф.А. Сунгатова, В.А. Иванова, А.Н. Султановой, Н.А. Лещинской.

В четвертой главе **«Хронология погребальных комплексов Южного Приуралья и интерпретация полученных результатов»** представлены выводы о хронологии южноуральских погребальных комплексов и этнокультурных процессах с учетом результатов изучения ременных гарнитур.

В §4.1 уточнена хронология погребальных комплексов Южного Приуралья с учетом результатов изучения ременных гарнитур.

В большинстве некрополей зафиксированы ременные гарнитуры, характерные только для одного хронологического этапа. К таким относятся Ахмеровский II, Салиховский, Шиповский (раскоп XIII), Ангасякский (*первый этап*), Кара-Тамакский, Югомашевский, Мало-Качакский, погребение на ул. Менделеева (д. 10) (г. Уфа) (*второй этап*), Камбулатовский I, Галановский II, Кувыковский могильники, погребение на ул. Тукаева (г. Уфа), погребение на ул. Мустая Карима (д. 33) (г. Уфа) (*третий этап*), Красногорский II, Береговский II, Шареевский могильники, Булгарский I и Ново-Биккинский курганы, женское погребение во дворе Башмединститута (г. Уфа), Новиковское погребение (г. Уфа) (*пятый этап*), погребение № 1 у Театра оперы и балета (г. Уфа), погребение у г. Ишимбай, Манякский и Лагеревский могильники (*шестой этап*).

Ременные гарнитуры, характерные для нескольких хронологических этапов, обнаружены в Старо-Муштинском, Старо-Кабановском (*первый, второй этапы*) и Дежневском могильниках (*второй, третий этапы*), Сынтыш-Тамакском могильнике и могильнике Чайка-1 (*третий, пятый этапы*), Ново-Турбаслинском (*третий, пятый, шестой этапы*), Кушнаренокском (*четвертый, пятый этапы*) и Бахмутинском (*первый, второй, третий, пятый, шестой этапы*) могильниках. Ременные гарнитуры всех выделенных шести этапов представлены на данный момент лишь в Бирском могильнике.

Анализ деталей ременных гарнитур совместно с другими хроноиндикаторами (фибулами, серьгами, подвесками, бусами и т.д.) позволяет уточнить хронологические рамки некоторых могильников и отдельных погребальных комплексов, датировка которых является наиболее дискуссионной. К таким памятникам относятся Ахмеровский II (III в.), Салиховский (2-ая пол. III – сер. IV в.), Ангасякский (III – сер. IV в.), Кара-Тамакский (IV в.), Югомашевский (IV в., возможно, сер. – 4-я четв. IV в.), Мало-Качакский (IV в., возможно, 2-я четв. – 2-я пол. IV в.), Дежневский (2-ая пол. IV – конец VI в.), Ново-Турбаслинский (V–VII вв.), Кушнаренокский

(2-ая пол. / конец VI – 3-я четв. VII в.), Сынтыш-Тамакский (конец VI – 3-я четв. VII в.), Шареевский (VII в., скорее всего, 1-я пол. – сер. VII в.), женское погребение во дворе Башмединститута, г. Уфа (конец VI – сер. VII в.), могильник Чайка-1 (V – 3-я четв. VII в.), Манякский (сер. / 2-я пол. VII – рубеж VII и VIII вв.), Бахмутинский (III – рубеж VI и VIII вв.) и Бирский могильники (III – рубеж VII и VIII вв. (отдельные комплексы могли быть совершены, предположительно, в сер. VIII в.)). Дата рассматривается только для раскопанных частей некрополей, полученные результаты являются предварительными.

Основные гипотезы и теории об этнокультурных процессах Южного Приуралья в эпоху перехода от раннего железного века к раннему Средневековью рассмотрены в §1.1 данной работы. В §4.2 речь пойдет о возможности занять в этих дискуссиях определенную позицию, опираясь на представленные выше разработки по ременным гарнитурам и хронологии конкретных памятников, привлекая и другие данные о них.

Анализ ременных гарнитур позволяет утверждать, что с III в. в Южном Приуралье (равно как в Прикамье и Поволжье) фиксируется массовое распространение вещей нового облика, связанное с включением данной территории в широкий ареал евразийской моды. Появление ременных принадлежностей нового типа (*первый этап* по разработанной периодизации ременных гарнитур; III – 3-я четв. IV в.) в среде финно-пермского населения напрямую связано с влиянием носителей позднесарматской культуры.

На данном этапе функционируют Ахмеровский II, Салиховский, Шиповский (раскоп XIII), Ангасякский, Старо-Муштинский, Бахмутинский (раскопки 1960 г.) и Бирский могильники, к этому периоду возможно отнести наиболее ранние комплексы Старо-Кабановского могильника.

Влияние позднесарматского импульса в распространении инноваций среди погребального инвентаря и его дальнейшее постепенное затухание можно проследить в захоронениях Шиповского могильника (раскоп XIII). Отдельные типы ременных принадлежностей, – результат переработки местными мастерами позднесарматских образцов, – встречаются на протяжении всего IV в., в основном, в комплексах Ангасякского, Старо-Муштинского и Бирского могильников.

В ряде могильников мазунинской культуры продолжают бытовать находки кара-абызского и пьяноборского типов, что может быть связано, по мнению одних исследователей (Т.И. Останина), с бытованием вещей-анахронизмов в мазунинских погребениях либо с возможностью сосуществования на определенном отрезке «пьяноборцев» с «мазунинцами», – по мнению других (А.А. Красноперов). Материалы поздних комплексов

кара-абызской культуры (Шиповский могильник, раскоп XIII) и наиболее ранних мазунинских некрополей в Южном Приуралье (Ангасякский, Старо-Муштинский могильники, ряд погребений Бахмутинского и Бирского могильников) свидетельствуют о длительном сосуществовании «кара-абызцев» и «мазунинцев», которое приходится, судя по всему, на весь III – нач. IV в. (возможно, и вплоть до 1-ой пол. IV в.). В некоторых кара-абызских и мазунинских комплексах зафиксированы детали ременных гарнитур, происхождение которых можно рассматривать в контексте взаимоотношений данных этнокультурных групп с населением Посурья, Поочья и Волго-Вятского междуречья.

Начало *второго этапа* развития ременных гарнитур (2-я четв. – 2-я пол. IV в.) совпадает с изменением этнокультурной обстановки в Южном Приуралье. К сер. IV в. перестают функционировать могильники кара-абызской культуры, и бывший ареал южных группировок кара-абызского населения занимает имендьяшевское население. В мазунинской культуре на территории Уфимско-Бельского междуречья, помимо уже существующих некрополей, начинают функционировать Кара-Тамакский, Мало-Качакский, Югомашевский могильники. Увеличение количества погребальных памятников в начале *второго этапа* в Уфимско-Бельском междуречье, равно как и в Удмуртском Прикамье, возможно, вслед за исследователями (Р.Д. Голдина), связать с возросшей плотностью населения и освоением новых территорий.

На рубеже IV и V вв. в Прикамье фиксируется волна распространения могильников с подкурганым способом захоронения. У исследователей нет единого мнения, связанного с историко-археологической интерпретацией указанных курганных некрополей. Недавняя дискуссия Р.Д. Голдиной с И.О. Гавритухиным и А.А. Красноперовым (2022) показала, что данные вопросы на неопределенное время остаются открытыми. Я поддерживаю точку зрения исследователей (В.А. Иванов, Ф.А. Сунгатов) о том, что, несмотря на минимальное участие «пришельцев» (кем бы они не являлись), материальная культура финно-пермских этнокультурных групп Прикамья и Южного Приуралья все же претерпела определенные изменения, пополнившись новыми типами вооружения, орудий труда, ременных гарнитур и украшений костюмного комплекса.

В результате продвижения «турбаслинцев» в Южном Приуралье отмечается появление большого количества импортных вещей южного происхождения (прессованных двухпластинчатых фибул, янтарных и коралловых бус, серег с многогранником на конце, браслетов с зооморфными концами, кольцевидных и кольцеобразных подвесок и т.д.).

Материалы некоторых захоронений Дежневского могильника, – одного из ранних памятников турбаслинской культуры, – свидетельствуют о начале заполнения площадки некрополя уже во 2-ой пол. IV в. Носители турбаслинской культуры небольшими группами могли проникать в Южное Приуралье в течение 2-ой пол. IV – 1-ой пол. V в. Наиболее организованная и многочисленная группа «турбаслинцев» появилась на данной территории во 2-ой пол. V в., что и нашло отражение в массовом появлении погребальных комплексов с ременными гарнитурами *третьего этапа* (V–VI вв.).

Свидетельством инфильтрации в Южное Приуралье наиболее ранних носителей кушнаренковской культуры уже во 2-ой пол. VI в. является керамическая посуда соответствующего типа, обнаруженная в бирских захоронениях с ременными гарнитурами сериационной *группы IV*.

К погребальным памятникам *третьего этапа* относятся ряд захоронений Дежневского, Ново-Турбаслинского и Сынтыш-Тамакского могильников, один из исследованных в 2014 г. курганов могильника Чайка-1, погребение на ул. Тукаева (г. Уфа), погребение на ул. Мустая Карима, д. 33 (г. Уфа), Галановский II и Кувыковский могильники. Данные некрополи оставлены носителями турбаслинской и кушнаренковской культур. Мазунинские могильники *второго этапа* (Мало-Качакский, Старо-Кабановский, Югомашевский, Кара-Тамакский) к концу IV в. прекращают использоваться, но продолжают функционировать Бахмутинский и Бирский могильники, являющиеся, по мнению исследователей (А.К. Амброз, Т.И. Останина, А.Н. Султанова), многокомпонентными некрополями (в т.ч. связанными с носителями бахмутинской культуры). Предположительно с имендяшевским населением можно соотносить появление Камбулатовского I могильника.

В комплексах *четвертого (переходного) этапа* (2-я пол. / 3-я треть VI – нач. VII в.) также зафиксированы ранние находки сосудов кушнаренковского типа.

С конца VI в. распространяются «геральдические» ременные гарнитуры *пятого этап* (конец VI – 3-я четв. VII в.). Своеобразным катализатором для их распространения на обширных евразийских пространствах послужила этнокультурная и геополитическая обстановка того времени. Начиная уже с V в. и вплоть до 1-ой пол. VII в. ситуация на территории Евразии в военно-политическом плане характеризуется противостоянием двух крупнейших держав того времени – Византийской империи и Сасанидского Ирана. Несмотря на то, что основные военные действия происходили на Ближнем Востоке, отголоски данного конфликта простирались на огромные расстояния, а в само противостояние, в рамках даннических и договорных

отношений, со временем было вовлечено все больше различных варварских группировок. Во 2-ой пол. VI в. в степях Восточной Европы происходят глобальные геополитические изменения, связанные с возникновением Аварского и I Тюркского каганатов, активно включившихся в евразийскую систему экономических и политических отношений. В рассматриваемый период значительная часть Урало-Поволжского региона в результате похода тюрков на запад, преследовавших бежавшие группы жуаньжуаней (авар) или группировок принявших имя «авары», оказалась в зоне тюркского влияния. Сюда начинают массово проникать изделия византийского, сасанидского, среднеазиатского и переднеазиатского происхождения, и на обширных территориях вплоть до рр. Ока и Кама фиксируется осязаемый культурный импульс, представленный, по И.О. Гавритухину (1999), «черноморско-волжским контекстом» (подавляющее большинство ремennых принадлежностей) и отдельными компонентами азиатского происхождения (псевдопряжки, наклонно-подвесное клинковое оружие).

В Южном Приуралье на данном этапе проживают носители бахмутинской, турбаслинской и кушнарниковской культур. Вглубь территорий данных этнокультурных групп вклинивается какая-то часть именьковского населения, что отразилось в широком распространении керамики романовско-именьковского типа на поселениях и, судя по всему, в появлении на территории г. Уфы нескольких захоронений со следами обряда трупосожжения.

«Геральдические» ремennые гарнитуры *пятого этапа* зафиксированы в Бирском, Кушнарниковском, Ново-Турбаслинском и Бахмутинском могильниках. На указанном хронологическом отрезке возникают (скорее всего, не одновременно) ряд комплексов на территории г. Уфы (Новиковское погребение, захоронения во дворе Башмединститута), один из исследованных в 2015 г. курганов могильника Чайка-1, Красногорский II и Береговский II могильники, Булгарский I и Ново-Биккинский курганы, ряд курганов Сынтыш-Тамакского могильника. К этому этапу следует относить все погребения с ременной гарнитурой Шареевского могильника, что не исключает возможность возникновения остальных комплексов данного некрополя в более позднее время.

С сер. / 2-ой пол. VII в. вплоть до рубежа VII и VIII вв. (возможно, и до сер. VIII в.) в Южном Приуралье (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 85) начинают распространяться «геральдические» ремennые гарнитуры агафоновского стиля / круга. Появление ремennых принадлежностей подобного облика (сериационные *группы VIII* и *IX*; *шестой этап* по разработанной периодизации ремennых гарнитур) связано, по

И.О. Гавритухину (1999), с недолговременной переориентировкой приуральских групп населения на отношения с «хазарами, доминировавшими на Северо-Восточном Кавказе и тюркскими группами в Средней Азии». Это демонстрируется тем, что на данном этапе зафиксированы образцы ременных принадлежностей с лировидными пряжками, прорезными деталями и меньшей вычурностью очертания вещей, относящиеся к восточнокавказским и сасанидским традициям.

В данный период продолжают функционировать Ново-Турбаслинский и Бахмутинский могильники (не позднее конца VII в. / рубежа VII и VIII вв.). На рассматриваемом этапе возникают погребение № 1 у Театра оперы и балета (г. Уфа), погребение у г. Ишимбай, Манянский и Лагеревский могильники. В Бирском могильнике погребения с «геральдикой» компактно сосредоточены в наиболее поздних, южном и юго-восточном секторах некрополя. Материалы Ново-Турбаслинского могильника свидетельствуют об угасании турбаслинской культуры.

Во 2-ой пол. VII в. продолжается процесс активного взаимодействия этнокультурных групп, отраженный в изменении вещевого инвентаря, погребального обряда и керамики поздних погребений Бирского могильника. В этот период фиксируется новая волна переселения «кушнаренковцев». Вполне возможно, что речь идет уже не о мирной инкорпорации в новую среду, характерной для ранних этапов существования кушнаренковской культуры, а о военном подчинении, по С.Г. Боталову (2020), (возможно, в некоторых случаях и уничтожении) бахмутинских, турбаслинских, и, вероятно, романовско-именьковских этнокультурных групп. К концу VII в. в большинстве некрополей Южного Приуралья прекращают совершаться погребения с основными «классическими» признаками турбаслинской, романовско-именьковской и бахмутинской культур. Однако черты турбаслинской и бахмутинской культур продолжают фиксироваться еще в захоронениях Бирского могильника, наиболее поздние из которых, предположительно, могли быть совершены в сер. VIII в. Кушнаренковская культура постепенно сменяется близкородственной ей караякуповской культурой.

В *Заключении* подведены итоги диссертационного исследования.

Обобщение данных по ременным гарнитурам из комплексов Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв. показало, что источниковая база по теме является представительной для ее всестороннего исследования. Изучение ременных гарнитур велось при помощи методов типологии, сравнения и подбора аналогий, сериации.

Типология деталей ременных гарнитур в настоящей работе, основанная на изучении конструктивно-морфологических и функциональных особенностей изделий включает в себя сведения о 3276 предметах: 539 экз. пряжек, 324 экз. ременных наконечников, 2381 экз. ременных накладок, 21 экз. ременных блях, 9 экз. ременных крепежей, 2 экз. ременных петельных крючков.

Выделено 49 типов пряжек, 28 типов ременных наконечников, 72 типа ременных накладок, 6 типов ременных блях, 2 типа ременных крепежей, 1 тип ременных петельных крючков – со своими подтипами, вариантами и подвариантами.

Объединение сериационных групп на одном «поле» с не вошедшими в сериацию типами ременных гарнитур позволило создать периодизацию ременных украшений Южного Приуралья эпохи перехода от раннего железного века к раннему Средневековью.

Изучение деталей ременных гарнитур совместно с другими хроноиндикаторами (фибулами, серьгами, подвесками, бусами и т.д.) позволяет уточнить хронологические рамки некоторых могильников и отдельных погребальных комплексов, датировка которых является наиболее дискуссионной.

Результаты изучения ременных гарнитур позволили уточнить некоторые дискуссионные вопросы, связанные с историко-культурными процессами, происходившими в Южном Приуралье в III – на рубеже VII и VIII вв.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

*В журналах, входящих в Перечень рецензированных изданий,
рекомендованных ВАК РФ*

1. Белявская (Крапачева) О.С. Ременная гарнитура и хронология погребения Югомашевского могильника // Вестник Пермского университета. История. 2018. Вып. 1 (40). С. 86–100. (1,62 п.л.)
2. Белявская О.С. Ременная гарнитура с раннесредневековых поселенческих памятников Республики Башкортостан // Проблемы истории, филологии и культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск. 2019. № 1. С. 186–201. (1,15 п.л.)
3. Белявская О.С. «Никольские находки» III–VII вв. в лесостепном Предуралье // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2019. № 4. С. 144–159. (1,85 п.л.)
4. Русланова Р.Р., Русланов Е.В., Белявская О.С. Металлические изделия и относительная хронология средневекового городища Уфа-II в лесостепном Приуралье // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58. С. 159–170. (1,27 п.л. / 0,46 п.л.)

Монография:

5. Белявская О.С. О некоторых аспектах хронологии городища Уфа-II в контексте изучения древностей эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья / О.С. Белявская, 2022 // Белявская О.С., Проценко А.С., Курманов Р.Г. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2017 года. Уфа: Первая типография, 2022. С. 112–120. (33,84 п.л. / 1,04 п.л.)

В других изданиях:

6. Белявский А.А., Крапачева О.С. Ременная гарнитура с полихромным декором «шиповского горизонта» на территории Башкортостана (к вопросу о морфологии и технологии изготовления) // Международная археологическая школа / Отв. ред. А.Г. Ситдинов; редкол.: Е.М. Макарова, Л.А. Вязов, Н.Л. Айтуганова. Казань-Болгар: ИА им. А.Х. Халикова; КП(ф)У; Болгар. гос. ист.-архитект. музей-заповедник, 2017. С. 41–55. (0,86 / 0,52 п.л.)
7. Белявская О.С. Ременные наборы Югомашевского могильника мазунинской культуры (к вопросу о типологии и реконструкции) // АрхЛаб. Археология Урала: время, памятники, люди: сб. науч. статей. Вып. 3 / Отв. ред. Р.Р. Русланова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. С. 3–16. (0,81 п.л.)
8. Белявская (Крапачева) О.С. Ременная гарнитура Мало-Качакского могильника // XXI Уральское археологическое совещание / Редкол.: А.А. Выборнов (пред.) и др. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 268–271. (0,35 п.л.)
9. Белявская О.С. К изучению элитного раннесредневекового погребения на территории Уфы // Новые материалы и методы археологического исследования: От критики источника к обобщению и

интерпретации данных. Материалы V Международной конференции молодых ученых / Отв. ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2019а. С. 133–135. (0,23 п.л.)

10.Белявская О.С. Результаты раскопок городища Уфа-II // Археологические открытия. 2017 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2019г. С. 355–358. (0,12 п.л.)

11.Белявская О.С. К вопросу о выделении локальных вариантов в мазунинской культуре // X Башкирская археологическая студенческая конференция (X БАСК): материалы научной конференции, посвященной 100-летию отдела археологии Национального музея Республики Башкортостан и 10-летию с момента создания ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа» (г. Уфа, 16 декабря 2021 г.) / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Е.В. Русланов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 43–51. (0,46 п.л.)

12.Белявская О.С. О некоторых дискуссионных вопросах турбаслинской культуры // Уфимский археологический вестник. 2021. Т. 21. № 2. С. 346–357. (1,27 п.л.)